

Ричард Мид
Поход изгоев

«Автор»

1970

Мид Р.

Поход изгоев / Р. Мид — «Автор», 1970

Главный герой – доблестный и неустрашимый рыцарь должен сделать выбор между смертью на плахе и не менее опасным походом в неведомые земли. Естественно, он выбирает последнее. Но он должен идти вместе с самыми закоренелыми преступниками, которых обязан выбрать среди других приговорённых к смерти. Это будет поход изгоев...

© Мид Р., 1970

© Автор, 1970

Содержание

1	5
2	14
3	21
4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ричард Мид

ПОХОД ИЗГОЕВ

1

Огромный мраморный дворец в Мармбурге со своими шпилями, башнями, куполами, галереями, массивными колоннами отражал красный свет солнца, заходящего за рекой Джаал, и сверкал, как огромный бриллиант. В большом обеденном зале Сигрит, король Бурна и император Северных Земель, восседал на троне среди своей знати. Дворяне собрались со всех уголков государства на устроенный королем рыцарский турнир, и теперь они наслаждались заслуженным отдыхом после дня трудных и не всегда бескровных поединков. Король был огромным мужчиной с густой светлой бородой и с волевым, как бы высеченным из камня лицом, и все же Голт, юный барон Железных Гор, был по сравнению с ним гигантом. Он на правах победителя нынешнего турнира сидел по правую руку короля. Голт одет в роскошный камзол. Плечи его широкие, покатые, грудь выпуклая. Предплечья, на которых выделялись бугры могучих мышц, были толщиной с бедро обыкновенного человека. Сегодня на турнире никто не смог победить его, но сейчас, когда вечер только начался, вино уже сделало то, что не смогли сделать лучшие бойцы империи.

Голт выпил слишком много вина и меда. Капли холодного пота выступили на его лбу, голубые глаза неестественно блестели, речь стала неуверенной, запинаящейся. Дважды за последние пятнадцать минут он прикладывался к своему кубку. Когда он потянулся в третий раз, король придержал его руку.

– Тебе не кажется, мой друг, что тебе лучше поесть сейчас, чем пить?

Голт взглянул на монарха, в глазах у него уже начало двоиться.

– Прошу прощения, ваше величество!

Сигрит рассмеялся.

– После такого трудного дня, какой был у тебя, слабость поражает даже сильнейших. Вино делает то, что не смогли соперники.

Голт убрал руку. Он действительно был очень утомлен. Но ему было всего двадцать три года, он только что превратился в мужчину и не желает слушать ничьих советов, даже короля.

– Я в порядке, – сказал он. – Я в полном порядке.

– Я в этом сомневаюсь. И если ты будешь продолжать пить, тебе придется покинуть нас очень рано, как ни жаль. Мы так редко видим тебя, так далеко лежат твои владения, и ты так занят после смерти твоего отца и нашего доброго друга. Управлять огромными поместьями, затем ехать через всю страну, драться на турнире, как ты дрался сегодня – это трудная задача для любого, а ты еще совсем молод. Ты устал больше, чем тебе кажется, и если бы ты был мой сын, я приказал бы тебе больше не пить. Вот... – он придвинул к барону свое блюдо, полное всяких яств. – Поешь, а уж потом можешь продолжать пить.

Голт наклонился над едой. Вид ее вызывал в нем отвращение, и все же он понимал, что король прав. Он слишком много пил сегодня. Как сказал Сигрит, ответственность и горе тяжким грузом легли на него. Только в вине он надеялся найти избавление.

Сейчас он собрал все свои силы. Ножом он отрезал огромный кусок жареной оленины, но, поднеся ко рту, покачал головой:

– Не могу, ваше величество.

Сигрит вздохнул так громко, что его было слышно даже в царящем здесь шуме, который производили подвыпившие лорды, рыцари и их дамы.

– Тогда тебе нужна небольшая прогулка по свежему воздуху. – Тон его стал повелительным и не допускал возражений. – Иди прогуляйся по галерее вдоль висячих садов. Пусть ветер с Джаала освежит твоё лицо. Это прояснит твой мозг и возбудит аппетит.

Голт вытер пот с лица рукой, покрытой шрамами, полученными во многих боях. Внезапно он ощутил настоятельную необходимость прогулки на свежем воздухе.

– Да, – как всегда, слышал он своё бормотание как бы со стороны. – Как всегда, его величество прав. Я выйду из зала и пойду прогуляюсь, пока голова моя не освежится.

– Хорошо, – сказал Сигрит.

Голт встал и обнаружил, что очень нетвердо держится на ногах. Он не без трудности перешагнул через скамью.

– Вернусь через несколько минут, – сказал он и начал пробираться через холл между шутами, трубадурами, охотничьими собаками и всеми теми, кто заполнял пространство между столами.

Однако не успел он дойти до выхода, как чья-то рука коснулась его плеча и остановила его.

– Милорд, – сказал женский голос. – Ты уже покидаешь нас?

Голт посмотрел на женщину. Это опять была она: эти темные, огромные, блестящие глаза неотрывно смотрели на него с того самого момента, как он появился во дворце два дня назад. Они настойчиво преследовали его, и можно было безошибочно сказать, чего они хотят. Голт отдернул руку.

– Да, леди Кирена. Но ненадолго. – Не в силах удержаться, он окинул взглядом её с головы до ног: её волосы цвета вороньего крыла под шапочкой из жемчуга, полную грудь под простой белой, почти прозрачной тканью, соблазнительный изгиб бедра...

Им овладели безумные чувства: желание и страх. Желание, потому, что она была совершенно прекрасна и недвусмысленно предлагала ему себя, обещая неопишное блаженство. Страх, потому, что она была женой другого человека.

– Я выпил чересчур много, и король отправил меня освежиться. Иду в висячие сады. Как только туман в моей голове рассеется, я вернусь.

– Такой воин, как ты, имеет право на выпивку, – промурлыкала она. – Разве не так, Гюнтер?

Гюнтер Крилинг дважды терпел поражение сегодня от юного барона. Он был немного старше Голта, но значительно ниже ростом, хотя тоже славился, как великолепный боец. Его холодные темные глаза перебежали с жены на Голта.

– Может быть, – натянуто сказал он и вернулся к своему вину.

– Не может быть, а несомненно, – сказала Кирена. – Победителю всегда положен приз. Но ты же не оставишь нас надолго, барон Голт.

– Конечно, – сказал Голт. – Я не задержусь.

Затем он повернулся и пошел к выходу.

Сигрит был прав. Холодный вечерний ветерок с Джаала освежил его голову. Голт ходил взад-вперед по галерее вдоль цветущих и висячих садов, с этой высоты мог видеть почти весь город.

Город никогда не переставал восхищать его. Его собственные поместья и замки в Железных Горах были по-деревенски грубы и не цивилизованны. Здесь перед ним раскинулся большой город с широкими улицами и бульварами, чистыми красивыми домами. Даже небольшие дома были сделаны из мрамора и выглядели дворцами. Здесь царил покой. Здесь он был чужим. Там, на самом краю империи, откуда он приехал, ему постоянно приходилось вести войны с северными варварами, совершавшими набеги на его земли и замки.

Или образование. Сигрит основал здесь центр для распространения знаний, но только самых необходимых. Каждый человек знает, что всеобщее образование несколько сот лет назад

привело к страшной катастрофе. Тогда человек возомнил о себе так, что решил занять место среди богов, и боги в гневе ввергли мир во мрак. И только теперь люди начали немного приходить в себя. Во всем были виноваты колдуны, и они строго-настрого были запрещены в Бурне и во всех Северных Землях. Но конечно, были и те, кто нарушал запрет Сигрита.

Сейчас, глядя на Мармбург, на последние лучи заходящего за рекой Джаал, и за развалинами старых замков солнца, Голт ощущал необъяснимый страх. Ему казалось, что чья-то рука коснулась его, чьи-то глаза смотрели в его душу. Он понял, чем было вызвано это ощущение. Оно было вызвано тем, что он был готов преступить закон Сигрита. На простолудинов этот закон не распространялся, но Сигрит установил, что жены дворян неприкосновенны и Голт своим отуманенным алкоголем мозгом понимал, чего он так боится. Потому что Кирена была рядом с ним с самого момента их первой встречи два дня назад. Конечно, не в прямом смысле слова, но, несомненно, она преследовала его, и Голт не был уверен, что он сможет долго сопротивляться этому настойчивому желанию. Сейчас он думал об этом, расхаживая взад и вперед по галереям и не торопясь возвращаться в зал. Он понимал, что слишком пьян и не может управлять собой.

Им правили сейчас не рассудок, а плотские желания. Быть рядом с леди Киреной в таком состоянии – это значит подвергнуть себя страшным мукам, а может...

И поэтому он ходил и жадными глотками впитывал свежий воздух, чистый и сладкий, как будто мир только что родился. И не торопился возвращаться. Он должен отрезветь настолько, чтобы полностью взять контроль над собой. Как же хорошо Сигрит знает человеческую натуру! Ведь он настоял на том, чтобы барон пошел проветриться.

Завтра, размышлял Голт, он должен просить короля о помощи. Теперь он понимал, что должен иметь жену. Женитьба погасит огонь в крови, безжалостно сжигающий его. А к тому же он теперь барон Железных Гор, должен позаботиться о наследнике. И он попросит короля подобрать ему подходящую жену, такую же одинокую, как и он сам. Голт редко имел возможность появляться при дворе и общаться с другими дворянами...

Тем временем, размышлял он, радуясь, как проясняется голова, тем временем, он постарается не поддаваться искушению. Сегодня он уже выиграл поединок, и пусть совесть останется чиста.

Дойдя до конца галереи, Голт повернулся и остановился.

По галерее навстречу ему шла чья-то женская фигура в белом. В сумеречном свете она казалась привидением. Но затем он услышал свое имя.

– Милорд Голт?

Это был голос Кирены.

Голт глубоко вздохнул.

– Да, – сказал он.

– Я решила, что тебе хочется пить, и принесла вина.

Она пошла к нему медленно, покачивая бедрами, и держа в руках большой кубок с вином.

Голт стоял неподвижно.

– Мне кажется, миледи, – услышал он свой голос, – что ты поступаешь неразумно.

Она ласково проворковала:

– Если бы женщина всегда поступала разумно, то люди вымерли бы давным-давно. – Она подошла совсем близко к нему. Он ощутил аромат ее духов и, он выругался про себя, тепло ее тела. Кирена поднесла кубок к его губам:

– Ты выпьешь?

Голт закрыл глаза, глубоко вздохнул. Затем он снова где-то вдалеке услышал свой голос.

– Да, миледи. Я выпью. – И он припал к кубку, сделал большой глоток.

Когда он кончил, Кирена поднесла кубок к своим губам и сделала несколько глотков. Затем она поставила кубок на каменную балюстраду, которая шла вдоль галереи.

– Теперь наши губы имеют одинаковый вкус, – прошептала она, и он почувствовал, как ее руки обвились вокруг его шеи, как ее пальцы запутались в его волосах. Голт со сдавленным хрипом обнял ее и прижал к себе так сильно, что почувствовал каждую линию, каждый изгиб ее податливого тела. Он прижался своими губами к ее жадному ждущему рту.

Он не знал, сколько времени они стояли так, в темноте, мягкой и пахнущей ароматом цветов. Он знал только, как ее губы жадно прижимались к нему. Он знал только, что она зажгла в нем огонь. И было неудивительно, что он не замечал ничего вокруг, пока внезапная жестокая сила не вырвала Кирену из его рук, а в его горло уперлось острие меча.

– Ты, пес! – прорычал Гюнтер. – Ты паршивый пес! – и он сильно нажал меч. Голт инстинктивно отступил назад. В глазах его рассеялся туман, и он увидел Кирену, распростертую на полу галереи.

– Ты думаешь, что ты выше Сигрита, потому что победил на турнире? Ты знаешь, что я сейчас убью тебя? Раздавлю без жалости, как червяка! Меч его был остр, как бритва, и Голт почувствовал, как теплая жидкость стекает по его коже. Еще немного давления, и его вена будет перерезана...

Голт бросился в сторону и тут же пригнулся. Первый яростный удар Гюнтера чуть задел плечо Голта. А второй просвистел над его головой. Меч барона с шипением выскользнул из ножен и метнулся вперед, чтобы скреститься с мечом Гюнтера. Раздался резкий металлический звук. Голт думал о том, как бы не убить противника. Он должен только обезоружить его. Голт знал, что может это сделать, как уже сегодня ему удавалось это дважды во время турнира.

Он применил все свое искусство и силы, чтобы потеснить Гюнтера и освободить себе место для маневра. Разгневанный супруг был опасным противником. Хотя он проигрывал в силе, но не уступал в искусстве и ловкости. И все же не мог он сравниться с Голтом, и барон постепенно теснил его вдоль галереи. Дуэль в темноте была чревата многими неожиданностями, могло случиться всякое, и Голт был очень осторожен при каждом ударе, чтобы тот не привел к смерти. Используя все свое искусство, он понемногу оттеснил противника к свету, где он мог бы выбить у него меч из рук. А потом уже извиниться, покаяться перед королем перед ним, – но сначала он должен спасти свою жизнь, так как Гюнтер вознамерился убить его и не желал слышать никаких извинений...

Затем случилось что-то непонятное. Голт ударил, и Гюнтер обязан был с легкостью отступить назад и отразить удар. Но вместо этого он вдруг издал какой-то звук и упал вперед. Прежде чем Голт успел убрать меч, он почувствовал тяжесть на нем. Острие наткнулось на кость, и Гюнтер издал сдавленный крик. Лезвие Гюнтера вывалилось из его рук и со звоном упало на мраморный пол.

Он опустился на колени, увлекая за собой меч Голта, за который он ухватился руками. По лезвию тонкой струйкой стекала кровь. Гюнтер снова издал ужасный крик и затем, когда похолодевший от всего случившегося Голт выдернул меч из раны, он упал на пол лицом вниз.

Из темноты раздался странно возбужденный голос Кирены:

– Милорд, ты убил его!

У Голта перехватило дыхание.

– Клянусь богами, я не хотел этого. Он споткнулся и упал на мой меч... – Голт посмотрел на Кирену, которая поднялась с земли и стояла там, где только что стоял Гюнтер, перед тем как упасть. И Голт бессильно опустил меч. – Или его толкнули, – сказал он угасшим голосом.

– Какая разница? – Кирена подошла к нему, и он ощутил ее ароматное теплое дыхание.

– Он сам напал на тебя, я могу подтвердить. – Ее пальцы гладили бицепсы Голта. – И теперь его нет. У него не было детей, и если мы будем вместе, король несомненно объединит наши владения... но это не важно. Важно то...

Голт стоял неподвижно с окровавленным мечом в руке почти минуту, а она в каком-то безумии терлась об него всем телом. Затем Голт пришел в себя и отшвырнул ее в сторону еще более грубо, чем это сделал ранее Гюнтер. Он с отвращением сказал:

– Пошла прочь от меня, шлюха!

Она сильно ударилась о колонну. В ее звенящем крике прозвучали страх и гнев:

– Голт! Ты идиот! Ты знаешь, на что идешь?

Ярость и отвращение в Голте были настолько сильными, что он не мог даже говорить. Наконец он собрался с силами и с трудом сказал:

– Я отдаю себя на суд короля. – И не оглядываясь пошел в обеденный зал.

Хотя юристы и адвокаты были в Бурне, Сигрит ненавидел их и не позволял им вести важные дела.

«Гиены, – говорил он, – они сосут кровь народа». Так что и в случае Голта ни один адвокат защищать его не мог. Голт знал это, когда после двухнедельного заключения под охраной шел в тронный зал Бурна.

Зал был огромен. Высокий потолок, разрисованный фресками, поддерживали колонны из радужного мрамора. Солнечный свет проникал через большие полукруглые окна, и золотые зайчики отражались от большого трона Бурна в дальнем конце зала, на котором сидел Сигрит, король Бурна и император Северных Земель. Обычно простой, доброжелательный, скромно одетый, сегодня он был одет роскошно, под стать Львиному Трону, на котором он сидел. Он был весь в алом, золотом и белом, на голове золотая корона, вместо скипетра он держал Большой Меч Бурна. Дюжина вооруженных охранников вели Голта по залу, держа мечи наготове. И молодому барону Железных Гор казалось, что это самое длительное путешествие, которое он когда-либо совершал. И когда он приблизился к трону, преклонив перед ним колени, поднялся и взглянул на короля, то ему показалось, что он впервые видит этого человека.

Губы Сигрита были плотно сжаты. Голубые глаза как бы заглядывали в душу барона, пальцы унижены кольцами с драгоценными камнями, соперничая в роскоши с усыпанной бриллиантами рукояткой меча. Голт почувствовал, что он не может сказать ни слова, он был полон трепета.

– Ваше величество, – сказал Альбрехт Вольфсгейм, родственник короля и камергер. – Здесь убийца, Голт. – Альбрехт стоял рядом с полуволок Эро, предводителем охраны Вольфсгейма. Когтистые руки Эро лежали на рукояти меча, из открытого рта со страшными клыками выглядывал кончик красного языка. Рядом с королем стоял Винчи, капитан дворцовой охраны Мармбурга. Голт хорошо знал и любил его.

– Да, – сказал Сигрит.

Альбрехт рванул свиток.

«...Он обвиняется в нарушении королевского закона, в том, что он спровоцировал дворянина Гюнтера Крилинга на дуэль в стенах королевского дворца, дуэль была вызвана безнравственным поведением обвиняемого с женой Гюнтера леди Киреной, дело которой уже рассматривается в суде. Во время дуэли в стенах дворца обвиняемый убил Гюнтера, который был дворянином и, следовательно, находился под защитой Королевского Закона. Такая распущенность нравов и убийство дворянина, как сказано в королевском указе, наказывается смертной казнью».

– Ясно, – сказал Сигрит. – А теперь я хочу, чтобы все оставили нас. Милорд, Камергер, Винчи, охрана. – Его глаза остановились с неудовольствием на полуволке Эро. Их сохранилось много со времени великой мировой катастрофы, но к ним доброжелательно относились только в герцогстве Вольфсгейм, где они ценились, как стойкие и мужественные солдаты. – И ты, добрый Эро, – добавил он, чтобы Альбрехт не почувствовал себя обиженным.

– Но, ваше величество, – запротестовал Альбрехт. – Ведь перед вами стоит убийца...

Сигрит бросил на него холодный яростный взгляд.

– Он не вооружен. – Король поднял Большой Меч Бурна. – Ты думаешь, что я беззащитен?

– Прошу прощения, – пробормотал Альбрехт и рявкнул приказание охране. Голт неподвижно стоял, пока они уходили. Их кованые сапоги звенели подошвами по мраморному полу. Звуки их шагов эхом раскатились по залу и затихли под сводами потолка. Все вышли, и дверь за ними захлопнулась с громоподобным звуком. Сигрит сидел неподвижно, пока все звуки не затихли и не воцарилась тишина. Эта тишина показалась Голту совершенно невыносимой. Глаза короля непрерывно смотрели на Голта.

– Ты не сказал ни слова против леди Кирены, – наконец заговорил король.

– Во всем следует винить только меня, – ответил Голт.

– И понесешь наказание, – холодно ответил Сигрит. – Если бы ты не вел себя по-свински и с ней.

– Ваше величество правы, – сказал Голт.

– И все же она тоже виновата в том, что произошло. Ее дело уже рассмотрено, и она навсегда изгнана из Бурна. Твое преступление гораздо тяжелей. Нарушить королевский указ прямо в стенах дворца, убить дворянина, – ты знаешь, как я неумолим в таких случаях.

– Знаю, сэр.

– И если у тебя нет веских оправданий твоего поступка, ты заплатишься своей головой.

Голт долго стоял молча. Было, конечно, обидно, постыдно, ужасно умереть такой глупой смертью, и хорошо, что его отец умер и не видит этого позора. И когда Голт обдумал все, что произошло с ним за последние два дня, он почувствовал, что у него нет и желания жить. Сигрит не мог осудить его так же сурово, как Голт осудил себя сам. Кровь Гюнтера была на его руках, и жить с нею было бы позорней, чем умереть.

Затем он заговорил:

– Сэр, мне нечего сказать.

Сигрит сидел неподвижно. Затем он вздохнул и яростно выругался.

– Будь ты проклят, горячая голова!

– Сэр...

– Молчи, если тебе не дали разрешения говорить! – гневный голос Сигрита прозвучал, как удар грома. Он взмахнул мечом и вскочил с трона. Сбросив с плеч горностаевую мантию и сняв с головы корону, он соскочил с возвышения и начал расхаживать по залу. Он стискивал в руке Большой Меч.

Голт стоял поджав губы, ему было страшно.

Ни один смертный не мог смотреть на Сигрита без страха, когда он был в гневе.

Затем король остановился, резко повернулся. Глаза его метали голубое пламя, рот был перекошен.

– Твой отец, – сказал он, – был моим другом с самого детства. Бок о бок мы с ним сражались во многих битвах с варварами Темных Земель. Не раз его доблесть и истинное искусство спасали мою жизнь. А ты – по всему было видно, что ты должен был стать великим воином, даже более великим, чем был твой отец, стать моей правой рукой на северных границах империи, ты, на кого я возлагал надежды, кем гордился, как сыном! И ты, со своим пьянством и грязной похотью, оказался в таком положении! – лицо его побагровело, каждая прядь бороды топорщилась, выражая негодование. Он взмахнул мечом. – Теперь мне придется убить тебя!

– Ваше величество, если вы этого хотите, я готов! – сказал Голт без всякой напускной бравады. Он был удивлен, что голос его прозвучал твердо и уверенно.

– Ах ты, молокосос! – вскричал Сигрит, придя в еще большую ярость. – Ты думаешь, что я палач? Если тебе суждено потерять ту глупую погремушку, которая сидит у тебя на плечах, то это сделает не Большой Меч Бурна. Ты будешь казнен на эшафоте, как обычный преступник.

– Я готов и к этому, – сказал Голт. Сигрит взглянул на него.

– А почему ты не скажешь, что во всем виновата эта паршивая сука Кирена? Ведь из-за нее все произошло и мне приходится подвергать тебя наказанию!

– Милорд, я взрослый человек. Я несу ответственность за свои поступки и не возлагаю вину на женщин.

Сигрит долго смотрел на Голта горящими глазами. Затем глубоко вздохнул.

– Хорошо сказано, – пробормотал он спокойным тоном. – Даже если бы ты возложил свою вину на нее, это тебе не помогло бы... – он провел ладонями по лицу. Это было бы слишком легко и просто.

– Он помолчал, яростно теребя свою бороду. – Я хочу наложить на тебя более суровое наказание. Я потребую от тебя, чтобы ты стал взрослым.

– Ваше величество? – недоуменно пробормотал Голт. Он решил, что ослышался, или неправильно понял короля.

– Да, да! Стать взрослым! – прогремел Сигрит, снова впадая в ярость. Затем на лице его мелькнула саркастическая улыбка. – Ты, наверное, думаешь, что это легкое наказание? Скоро ты будешь думать иначе. – Затем гнев отхлынул от его лица, глаза стали холодными. – Во-первых, я отбираю твои владения, – сказал он. – На время баронство Железных Гор переходит в собственность короны.

Это прозвучало как удар по лицу. Никакой физической удар не мог бы быть страшнее и обиднее. Голт отшатнулся.

– Ваше величество...

– На время! – рявкнул Сигрит. – Пока ты не докажешь, что стал взрослым мужчиной. – Губы короля скривились. – Ты ведь считаешь себя великим воином? Я дам тебе возможность сражаться досыта. Идем со мной. – Рука короля схватила Голта за предплечье и толкнула юношу вперед.

Удивленный Голт, подталкиваемый королем, прошел к небольшой двери за тронном. Сигрит распахнул ее, ткнул Голта острием меча.

– Сюда! – рявкнул он.

Дверь за ними закрылась. Голт в изумлении осмотрелся вокруг. Он даже не подозревал о существовании этой комнаты. Она была отделана мрамором, как и весь дворец. Роскошные ковры украшали ее. Через высокие окна с толстыми матовыми стеклами сюда проникало много света. Но Голта больше всего поразило содержание комнаты. На мраморных стенах были искусно нарисованы карты. Масштаб их был таким, что мельчайшие подробности были на них обозначены. В промежутках между картами у стен стояли огромные шкафы, забитые тяжелыми книгами в кожаных переплетах. Такого количества книг Голт еще никогда не видел. В другом углу комнаты висела прекрасная люгня. Говорили, что Сигрит очень искусный музыкант и виртуозно владеет этим сложным инструментом. Тут и там по комнате были разбросаны разнообразными безделушки, взятые в качестве трофеев во время постоянных войн с северными варварами. В другом углу стоял письменный стол, заваленный листами пергамента. На столе лежали приготовленные для работы перья и стояла золотая чернильница.

– Слушай внимательно, – рявкнул Сигрит, видя, что Голт стоит с раскрытым ртом. Он прошел к дальней стене, на которой была нарисована карта. Голт сразу узнал, что на ней изображено. Это была империя Серых Земель, раскинувшаяся через весь континент от моря до Великих Гор на востоке. На север от империи были расположены Темные Земли, заселенные дикими варварскими племенами. К югу от Северных Земель располагалась Светлая Страна, прекрасная страна, где, как говорили, процветали науки и искусства.

Эта страна давно оправилась от той жуткой катастрофы, в которую был ввергнут весь мир. Голт видел, что Серые Земли и Бурн лежат между Темными Землями и Светлой Страной. Сигрит всей своей военной мощью оберегал пробивающиеся ростки знаний от темных северных Варваров, которые ради наживы и грабежа втоптали бы прекрасную страну в грязь.

Кончик большого меча, который Сигрит использовал, как указку, путешествовал по карте.

– Мармбург, – напряженно сказал он. Кончик меча пошел дальше, пересек границу, которая отделяла Северные Земли от Темных Земель варваров. Затем указка прошла вперед, вправо, далеко вправо. Здесь уже была область, где были обозначены только самые большие горы, реки и озера. В основном это было пустое пространство, где фантазия художника поселила драконов и прочих фантастических чудовищ. Там была Неизвестная Страна.

– А здесь, – сказал Сигрит, остановив движение меча, – terra incognita.

Что-то в голосе короля заставило Голта затаить дыхание.

– Да, – сказал он.

– Ты знаешь рассказы об этой стране? – глаза Сигрита буквально сверлили барона.

– Да, сэр. Неизвестная Страна отделена от наших владений и Страны Варваров Великими Топями Кушна. Она объявлена ничьей землей. Согласно слухам, населена чудовищами, химерами, порождениями огня и льда и еще кое-чем похуже.

– Да, возможно. А может быть, там хорошие леса, богатые пастбища, медь, железо, серебро и золото или другие сокровища, которым нет цены. – Король опустил меч. – И я думаю, что там скрываются те, кто бежал от карающего меча нашего закона – преступники всех мастей, колдуны, маги, чье искусство я объявил вне закона в моем государстве. Никто не знает, что там на самом деле. Он опустился в кресло. – Два года назад я решил присоединить эти земли к своей империи. Я тайно послал туда экспедицию под руководством Барта, кузена дюка Вольфсгейма и прекрасного воина. В отряд входили сотня опытных солдат и несколько ученых. Их миссия заключалась в том, чтобы найти путь через топи, войти в Неизвестную Страну, исследовать ее богатства и объявить ее владением короля Бурны. – Он замолчал, и комната погрузилась в тишину на целую минуту. – С тех пор я не получил от них ни единой весточки.

Голт не сказал ни слова. Но надежда пробудилась в нем. Надежда и возбуждение.

– Больше я не желаю рисковать людьми, – сказал Сигрит, тщательно выговаривая каждое слово. – Но в данном случае... – он посмотрел на Голта.

– Но в данном случае моя жизнь ничего не стоит, – быстро сказал Голт. – Она все равно потеряна.

– Да, – сказал Сигрит почти с облегчением. – Так или иначе; твоя жизнь потеряна.

– Когда же мне выходить? – горячо выпалил Голт.

– Подожди, ты еще не знаешь условий. Я сказал, что не хочу больше рисковать людьми, но не можешь же ты идти один. Тебе нужны люди, но я не хочу приносить в жертву своих солдат. Конечно, я обеспечу экспедицию всем самым лучшим, что есть в империи, но люди...

Он замолчал.

– Что люди? – спросил Голт с тревогой.

Сигрит долго молчал, а затем ответил.

– Ты убийца. Следовательно, тебе будет не на что жаловаться, если я поставлю тебя во главе армии таких же, как ты. В тюрьмах Бурна мы наверняка найдем сотню человек, осужденных на смерть, которые предпочтут, идти с тобой в Неизвестную Страну, встрече с палачом.

Голт разинул рот:

– Но, ваше величество...

Сигрит свирепо ответил:

– Я же сказал, что не хочу жертвовать своими солдатами! Воры, убийцы, насильники! Все отребье королевства! Вот твоя армия, барон Голт! Поход с ними, или тюрьма и топор палача – вот твой выбор! Найди путь через топи, исследуй Неизвестную Землю, выясни судьбу лорда Барта и его людей! Затем возвращайся назад, и тогда получишь прощение. Не только прощение, но и возвращение своих владений.

Он встал.

– Правда, скорее всего ты сложишь голову где-нибудь там, но решай сам.

Опять в комнате воцарилась тишина. Лицо короля казалось высеченным из мрамора. Глаза Голта были прикованы к карте, к тому месту, где на ней было пустое пространство, заселенное воображением художника различными чудовищами, воображаемыми или реальными, кто знает? Земля, которая лежала от Великих Топей Кушна к северо-востоку. Непроизвольно его рука потянулась к поясу, хотя меча на нем не было.

– Ну, – сказал Сигрит. – Ну?

– Я пойду, – сказал Голт, – и попытаюсь выполнить волю вашего величества.

Король отвернулся.

– Это не своей волей я посылаю тебя в такой путь. Это закон.

В его голосе отчетливо слышалось горе. Затем он встал и взял руку Голта.

– Но, если ты сможешь сделать это, барон Голт, ты заслужишь больше, чем прощение, больше, чем возвращение своих владений. – Он глубоко вздохнул... – Ты заслужишь мою благодарность и любовь.

– Значит, я буду не напрасно рисковать, – сказал Голт. – Когда ваше величество желает, чтобы мы выступили в поход?

2

Эту ночь, находясь под домашним арестом, Голт спал в своей спальне королевского дворца и ему снился дом.

Старкбург! Древняя крепость в Железных Горах. Во сне он снова видел могущественные башни, которые вонзались в темнеющее вечернее строение неба, как гигантские пальцы. Крепость была выстроена высоко в горах, а фундаментом служили огромные камни гор. Это был неприступный бастион холода, каменных глыб, вздыбившихся из глубин самой земли. При дневном свете эти укрепления, башни, большая стена, опоясывающая город, чтобы защитить его от нападения снизу, казались серыми и невыразительными. Но на восходе или закате солнца, когда его лучи освещали крепость под углом ярким светом, горы, в которых было много железной руды, начинали сверкать, и весь замок окрашивался в сияющие цвета, которые постепенно переходили в кровавый горящий цвет.

Голт стонал и ворочался. Он видел семейное гнездо и гордился им. Видел широкие плодородные поля в предгорьях, видел темные леса, где с малых лет он охотился на зверей. Видел раскидистые укрепления деревни, где каждый крестьянин был хорошо обученным солдатом, готовым по первому зову трубы выступить на защиту своего гнезда от вторжения варваров или нападения таинственных существ, которых много расплодилось на земле после всемирной катастрофы. Это было самое сильное и мощное укрепление во всем Бурне, оно закалялось в жестоких битвах, которые вели многие поколения предков Голта. И теперь, подумал он, пробуждаясь, всего этого он лишился в результате пьяной глупости. Но он должен вернуть все назад во что бы то ни стало.

Он отбросил одеяло, поднялся и в одной сорочке начал расхаживать по комнате. Он выпил холодной воды из графина. Правда, он предпочел бы что-нибудь покрепче, чтобы прогнать черную депрессию и отчаяние, стиснувшее его душу. Но под рукой ничего не оказалось, так как король запретил давать ему спиртное. Он выпил еще воды, и, наконец, так как рассвет был уже близок, умылся и оделся в одежду, в которой он мог появиться при дворе. Затем он подошел к огромному окну и распахнул его, глядя на Мармбург, раскинувшийся перед ним и просыпающийся на рассвете. Лучи солнца осветили его мраморные дома, и весь город казался россыпью драгоценных камней. Свежий воздух трогал его лицо. Голт пил его большими глотками. Непроизвольно его левая рука поглаживала могучие мышцы правой руки.

– Хорошо, – подумал он, жребий брошен. Теперь уже не имеет значения, что ему выпадет, орел или решка. Он должен теперь отбросить прочь всю жалость к себе и должен всем сердцем и всеми силами отдаться тому делу, которое ему поручено. Если возвращение баронства Железных Гор зависит от этой сильной искусной руки, которую сейчас оглаживают его пальцы, то дело не так уж и безнадежно. Сколько бы воли и сил не потребовал этот поход в Неизвестную Страну, он найдет их в себе.

Решение было принято и настроение сразу улучшилось. Принесли завтрак, и Голт поел с аппетитом. Затем его вызвали к королю, и он шел через лабиринт коридоров широким уверенным шагом. Голова его была гордо поднята, плечи расправлены.

В большом холле не было никого, кроме короля, одетого в охотничий наряд и развалившегося на троне, и старика в красно-золотых цветах армии Бурна. Старик стоял рядом с королем, приземистый, толстый. На голове его были совсем седые волосы. Голт опустился на колени, затем поднялся и посмотрел на своего монарха.

Король махнул рукой.

– Ты, конечно, знаешь моего генерала Вальцхера.

– Да, сэр, – поклонился Голт. – Он был другом моего отца, и они вместе участвовали во многих сражениях.

– Верно, – сказал король, – именно потому я решил, что он должен заменить тебя в баронстве, пока ты будешь отсутствовать. Ты дашь ему письма управляющим и капитанам, что он будет править вместо тебя. Его слово будет таким же законом, как и твое, и ему должны подчиняться, как и тебе – беспрекословно.

– Хорошо, сэр. Я сделаю это. – Голт почувствовал приятное облегчение во всем теле и приступ нежной любви к своему королю. Ведь при дворе много таких дворян, которые были способны на все, чтобы получить в свое владение такое богатое поместье, как баронство Железных Гор. И даже если бы он вернулся с победой из своего похода, пришлось бы приложить немало усилий, чтобы выдворить их оттуда. Но Вальцхер был умен, честен, и ему можно было довериться без опасений.

И как бы в подтверждение этому, генерал заговорил.

– Милорд, ты понимаешь, как неохотно я берусь за это дело. Меня заставляет только необходимость.

Он помолчал, задумчиво приглаживая седые волосы.

– Но я могу тебя заверить, что мое правление будет справедливым, человечным и, насколько удастся, мудрым.

– Я не сомневаюсь в этом, сэр. Я только прошу иметь в виду, что по традиции, мой народ имеет права и свободы более широкие. Мы все там, в Железных Горах, пограничники, и нас трудно вставить в обычные рамки. Но они подчиняются дисциплине, конечно в тех пределах, в которых находят ее разумной и необходимой, – он повернулся к королю и продолжал. – Благодарю, сэр, за столь мудрый выбор. Теперь мой разум будет более свободен, а рука сильнее.

– Этого я и хотел, – сказал Сигрит.

– Благодарю, генерал, ты можешь идти. Мне еще нужно поговорить с бароном Голтом.

Вальцхер поклонился и вышел. Развалившись на троне, король ковырял кончиком кинжала в зубах. Он лукаво взглянул на юного барона.

– Ну как? Твое мужество еще сохранилось? Твоя решительность не исчезла?

– Сэр, если бы мой отряд уже был готов, я выехал бы немедленно. Чем скорее начать, тем скорее кончить.

Король улыбнулся довольный:

– Я же сказал, что хочу, чтобы ты выехал как можно скорее. Все приказы уже отданы: лошади, мулы, снаряжение – все уже готово. Ты можешь сам убедиться, что в этом смысле я сделал все, чтобы ты смог добиться успеха. Раз уж я не рискую людьми, то с радостью отдаю деньги. – Он нахмурился. – С тобой здесь при дворе есть свита?

– Да, ваше величество. Линднер, капитан рыцарей и с полдюжины оруженосцев, пажей... Я хочу, отослать их в Старкбург вместе с генералом Линднером.

– Они уедут. За исключением... – король залез в карман и достал лист бумаги.

– Что ты думаешь об этом послании? Я опущу все формальности, которые идут вначале, и с которыми оно адресуется к нам. Перейду прямо к содержанию.

Он держал лист далеко от глаз. Ведь лет ему уже много и зрение его было не такое острое, как в молодые годы.

»...и как ваше величество знает, я заслужил во многих битвах награды, которые получил из ваших рук. Поэтому я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой. Это был я, кто по поручению его отца впервые вложил меч в его руки, впервые дал поводья в руки молодого барона. Я обучал его воинскому искусству, которым он неоднократно и успешно служил империи. И за это я прошу вашей милости. Я прошу разрешить не нарушать моей клятвы, данной его отцу. Я поклялся, что никогда не оставлю молодого барона, что всегда буду ехать с ним навстречу любой опасности, оберегая его своим собственным мечом. Поэтому прошу милостивого разрешения вашего величества сопровождать барона Голта в его походе в Неизвестную Страну».

Король опустил бумагу.

– Подпись, – сказал он. – Линднер, капитан Голта, барона Железных Гор.
Голт проглотил слюну. Затем он покачал головой.

– Сэр, я прошу, чтобы вы отказали ему. Вы сказали, что поход очень опасен, и вы не хотите рисковать никем, кроме меня, так как моя жизнь все равно потеряна. Я очень люблю Линднера, который действительно был моим отцом. Я люблю его может всего лишь немногим меньше, чем родного отца, упокой Боже его душу. Из всех людей он единственный, чьей жизнью я не хочу рисковать. Я не хочу брать его с собой, а кроме того, генерал Вальцхер будет нуждаться в нем. Скажите ему, пожалуйста.

– Я не могу, – сказал Сигрит. – Линднер заслужил это право своей службой короне. Но если ты хочешь, ты можешь не брать его. Он ведь на службе у тебя. Если ты не хочешь, чтобы он сопровождал тебя, просто скажи ему.

Голт покачал головой.

– Я не могу сделать этого. Ни лицом к лицу, ни прямо в глаза.

Король засмеялся:

– Он честно служил тебе?

– Не раз он спасал мне жизнь.

– Тогда я думаю, что он должен ехать. Твоя жизнь представляет большую ценность, и этот поход очень важен для империи, а он зависит от твоей воли и жизни. Но все же решение остается в твоих руках. – Он громко хлопнул в ладоши. – Капитан Линднер!

Зашевелилась портьера. Голт повернулся и увидел человека в шлеме, кольчуге и кожаном пальто, из-под которого был виден меч. Лицо Линднера было жесткое, суровое с серыми глазами, которые постоянно были настороже, чтобы опасность не настигла врасплох. Он был таким и в молодые годы, а сейчас ему было больше сорока лет. Он улыбнулся Голту и поклонился ему.

– Так как король согласился с моей просьбой, а ты признал, что не можешь сказать «нет», то полагаю, что все улажено, и я еду с тобой!

Голт смотрел на него.

– Черт побери, Линднер. Ты вступил в заговор с королем...

– Так я еду? – глаза Линднера встретились с глазами Голта.

Голт расслабился, рассмеялся, хлопнул Линднера по плечу.

– Хорошо, Линднер, едем.

Линднер усмехнулся.

– Отлично.

Послышался голос Сигрита.

– Ну, с этим покончено. Линднер, передай дюку Вольфстейму, чтобы через час все осужденные на смерть узники были под сильной охраной и в цепях выстроены на площади тюрьмы. Там ты и твой господин подберет себе нужных людей.

Линднер поклонился и вышел, бросив взгляд на Голта.

– Ну а теперь, – сказал король, поднимаясь с трона, – остается еще одно дело уладить. Но это дело секретное. Идем.

Он снова привел Голта в забитую книгами и увешанную картинами комнату. Указав молодому барону на кресло, король уселся на краешек письменного стола, все еще поигрывая кинжалом. Он испытующе посмотрел на Голта, затем кивнул, как бы согласившись со своими размышлениями.

– Я решил рассказать тебе дело чрезвычайной секретности.

В голосе короля было что-то такое, от чего дрожь пробежала по телу Голта.

– Веришь ли ты, или имел когда-нибудь дело с колдунами? Магами? Волшебниками? – Сигрит наклонился к Голту, пристально глядя на него голубыми горящими глазами. – Скажи мне.

Голт помолчал. Затем он покачал головой.

– Сэр, у меня нет никакого опыта в таких делах. Ведь вы запретили им появляться в империи. Я тоже запретил их в своих владениях.

– Конечно, – король поднялся, начал расхаживать по комнате. – Я сделал это потому что не верю... а может потому что верю...

– Но, ваше величество, это бессмысленно. Магия и колдовство обманывают все ощущения человека, насмеются над чувствами, превращают их в ничто! Вера в колдовство открывает большие возможности перед нечестными людьми с обычными способностями играть на суеверии людской массы, обманывать людей. Законы природы человека предсказуемы. Их легко можно установить и на этой основе создать законы справедливости, гуманности, честности. Законы магии, если они и существуют, не знают никаких пределов рациональности, они хаотически и, следовательно, они работают против любого проявления порядка. Поэтому я выпустил закон, согласно которого в Бурне и в Серых Землях магия и колдовство запрещены, и колдуны изгнаны из государства. Это, – рявкнул он, – положило конец анархии, и в моем государстве правит закон и порядок.

– Да, сэр!

– И все же, – король яростно мерил ногами комнату, – и все же... кто знает? Ведь как говорят легенды именно колдуны своими заклинаниями и кабалистическими штучками вызвали мировую катастрофу, которую человечество едва пережило. Говорят, что в древние времена были великие колдуны, которые могли вызвать всемирный пожар, послать с помощью своих заклинаний несчастных людей на Луну или звезды, которые могли видеть через время и пространство! Обо всем этом говорят старые легенды, и пусть лучше эти опасные знания погибнут, если они конечно когда-либо существовали.

Потрясенный услышанным, Голт смотрел на короля.

– И еще говорят, что существует искусство более древнее, чем то, которым занимаются эти колдуны. Искусство, которым колдуны пренебрегают и над которым насмеются, хотя почему люди, сделавшие это, чуть не уничтожили мир, могут насмеяться над тем, что более могущественно, чем они сами со всем своим искусством, рассказывают о происхождении самой вселенной. Они здесь, – он показал книги в шкафах. – Здесь я нашел их. Эти книги очень старые, никто не может сказать, когда они написаны. Говорят, что они были написаны на листах металла, спрятанных в каменных глыбах, и только катастрофа – Всемирный Пожар – открыл их миру. В них рассказана история Камня Могущества!

Голт озадаченно заморгал:

– Чего, ваше величество?

– Камня Могущества! – Рот Сигрита скривился в улыбке. – Отвратительная, но увлекательная история. Она здесь. – Сигрит вытащил старый том в обложке из буйволово́й кожи. – Я много дней и ночей изучал ее. С того самого дня, когда древний старик, хотя он был достаточно молод, чтобы иметь дочь, ребенка, пришел ко мне.

Он замолчал, а Голт боялся прервать его молчание.

– Я был молод, и не так хорошо знал жизнь, как сейчас. Этот старик, который назвался Ганомом, откуда-то появился со своим ребенком и попросил у меня аудиенции. Через некоторое время я встретился с ним, и он заявил, что он занимается древним искусством, как я понял это магия, колдовство, некромантия.

– Ясно, – сказал Голт, хотя ему ничего не было ясно.

– Вместе со своей дочерью он принес маленькую шкатулку, оправленную в серебро, так он сказал мне. Он объяснил, что лежит в ней, но в таких выражениях, которые я не мог принять в те дни. Тогда я не верил ни во что, чего не мог попробовать пальцем. – Он глубоко вздохнул. – С тех пор я многое повидал, многое узнал, и теперь не столь ортодоксален, как раньше. – Король сел. – Этот старик сказал, что в шкатулке находится талисман. Он похож на

кусок камня и назвал его Камнем Могущества. Его происхождение, как сказал он, затеряно где-то в древности, у истоков Вселенной. Но это не обычный земной камень, – сказал он, – и не драгоценный, нечто совсем другое. – Говорят, – сказал он мне, – что до Вселенного Пожара, до катастрофы, на Земле была жизнь. И тогда камень назывался разными именами – философский камень, Святой Грааль и другими. Этот камень был объектом бесчисленных поисков, но тогда не знали, что искать. Тех, кто знал, как выглядит этот камень, было очень немного, и они были объединены в тайное общество, в котором тайна свято хранилась. Но камень обладал магическим, огромным могуществом.

Голт сел прямо. Слышать о существовании могущественного камня, могущественной магии было очень странно от человека, который запретил ее.

– Тот, кто обладает этим камнем, приобретал и его мощь и неуязвимость в битвах. Он назвал их имена, которые я никогда не слышал, которые затерялись в вихрях истории. Но все они были могущественные воины. Некоторых из них я потом вспомнил. Один из них по имени Александр, с помощью камня, который он получил в дни своей молодости, когда еще у него не выросли усы, завоевал почти весь мир. Другой по имени Юлиус. Он правил там, где теперь столица Светлой Страны Неорома. Старик говорил еще об одном, чье имя я теперь забыл, но он начал свою карьеру, как капрал в армии, а кончил тем, что завоевал полмира. А позже камень перешел еще к одному капралу, вернее ефрейтору, который был очень близок к тому, чтобы в результате кровопролитных войн, которые велись с помощью странного ужасного оружия, захватить всю Землю. Вообще, как я понял, талисман все время попадал в руки нечистоплотных людей, и он превращал этих людей в оружие завоеваний. Все эти люди в конце концов терпели поражение, но только в результате того, что хранители камня, члены древней гильдии снова похищали его. Затем камень снова исчезал, и тот, у кого он оказывался, возносился над миром. И история повторялась: хранители камня снова возвращали его себе, а новоявленный завоеватель погибал. Этот старик был последним из гильдии хранителей. Он почувствовал, что конец близок и принес этот камень мне, предложил его мне.

– И, – затаив дыхание, спросил Голт, – вы его не взяли?

– Я не взял его, – снова улыбка перекосила рот короля. – Я смеялся над ним, не верил, несмотря на все его уговоры. Он сказал мне, что из всех правителей на Земле только мне может доверить этот камень. Что, возможно, я единственный могу сопротивляться таинственному излучению, которое вселяет в людей жажду власти, завоеваний и тираний. И что он должен поместить этот талисман в надежные руки до того, как черная рука смерти коснется его, так как не выполнит страшную клятву, которую дал членам своей гильдии. Так он говорил мне, а я смеялся. Я только что издал против искусства магии закон, запрещающий всех колдунов. И мое неверие в колдунов и магию было максимальным. Но с тех пор... – он снова покосился на шкаф. – Но с тех пор я узнал очень много. Я читал эти древние книги и нашел в них много того, что подтверждало слова старика. Но уже было поздно.

– Было поздно, Сэр?

– Да. – Сигрит вздохнул. – Я издал законы, запрещающие магию в моем государстве, и он исчез. Он, и его дочь, и Камень Могущества. Они исчезли в Неизвестной Стране, как и все остальные колдуны. С тех пор я ничего не слышал о талисмане. – Он прикусил губу. – И это очень досадно. И я, конечно, не верю всему этому. И все же читая эти книги, я понемногу начал сомневаться в справедливости своего неверия. – Он поднял голову, посмотрел на Голта. – Ганон, его дочь и Камень Могущества давно исчезли в Неизвестной Стране. Я послал туда Барта, от которого не имею никаких известий. Теперь я посылаю тебя. Ты должен узнать о судьбе Барта. И... У меня есть еще одно поручение. Я хочу, чтобы ты разузнал все о судьбе этого талисмана, Камня Могущества, философского камня, или как его еще там называют. Если ты найдешь его, и он все еще находится в опечатанной шкатулке, то я прошу тебя – принеси его мне, не распечатывая, шкатулки. Пока он находится внутри, он не может ни на

кого воздействовать своей магией. Но когда шкатулка откроется, кто знает, какие силы зла ли, добра он может пробудить в людях.

Голт добросовестно переваривал все услышанное. Король терпеливо ждал. Затем барон заговорил.

– Ваше величество, верю я или не верю в силу этого талисмана, но, предположим, я его добуду. Что может остановить меня от того, чтобы раскрыть шкатулку и присвоить все его могущество себе? Вы говорите, что он делает людей неуязвимыми. Если у меня будет этот камень, что может остановить меня от того, чтобы напасть на королевство и занять власть, и, мне кажется, что вы слишком много доверяете мне, возлагаете на меня слишком большую ответственность. Ведь я даже не смог удержаться от вина.

– Я думал об этом, – сказал Сигрит. – И...

– Ты молод и горяч, – сказал Сигрит, – но ты честен. И ты слишком много поставил на карту. Не только баронство Железных Гор, но и свою честь. А честь много значит для тебя, барон Голт.

– Ваше величество, я готов положить голову, чтобы восстановить ее.

– Знаю. Следовательно, если ты найдешь Камень в шкатулке, я могу верить, что ты не откроешь ее. Таково мое требование. Вернуть шкатулку нераспечатанной. Вполне возможно, что там, самый обычный камень, моя вера в магию не так уж велика... Но я хочу иметь этот камень и хочу, чтобы он был тщательно упакован в свинец и серебро. Тогда я смогу заняться им и решить, чего он стоит и как распорядиться им. Ты понял меня?

– Да, что бы вы ни возложили на меня, я выполню. – Голт встал. – Но – один вопрос. Когда вы послали лорда Барта, вы тоже рассказали ему про Камень?

– Нет, – глаза Сигрита сверкнули.

– Могу я спросить – почему, сэр?

– Барт – кузен Вольфсгейма. Они оба великолепные солдаты. Но они оба обладают амбицией и рвутся к власти. Эти качества я старался направить в русло, где они были бы полезны империи. Я не могу сказать ничего плохого об этих людях. Но все же мне не хотелось бы, чтобы этот талисман попал в руки Вольфсгеймов. Если он будет у них, то, независимо от того, обладает ли этот камень могуществом или нет, будут большие неприятности. Будь он самым обыкновенным булыжником, а это вполне может быть, они такие люди, что когда камень будет у них, искушение будет слишком сильным и королевство будет ввергнуто в жестокую междоусобную войну. Нет, о Камне я не говорил еще никому, ни Барту, ни Вольфсгейму. И сказал тебе здесь, в Мармбурге, надежно укрытом от всяких посягательств. Если ты найдешь его, ты принесешь его сюда.

Голт молчал.

– Ваше величество.

– Да.

– Предположим, лорд Барт уже нашел этот камень.

Сигрит подумал.

– Вряд ли. Ведь он ничего о нем не знает. Более того, я думаю, что Барт погиб. Если бы он нашел Камень, то он наверняка объявился бы здесь тем или иным способом. Но...

Сигрит вздохнул. Он бросил кинжал, который воткнулся в письменный стол и торчал там, покачиваясь.

– Если Камень у Барта, ты должен отобрать его. Если Барт ищет его, ты должен найти его первым. Голт, я хочу этот Камень Могущества. Ты должен принести его мне.

Голт кивнул.

– Сэр, если он существует, и если я смогу найти его, он будет здесь.

– Хорошо. – Сигрит сделал паузу. – Может, я дурак. Может, мне следовало послать целую армию опытных солдат, чтобы найти его, или вести отряд самому. Может, этот Камень ценнее

всего на свете. А может, и нет. И моя ставка в этой игре – барон Голт и отряд изгоев. – Он вырвал кинжал из доски стола и сунул его в ножны. – Сейчас ты пойдешь в тюрьму и наберешь себе людей, – он повернулся к двери. – Я еду на охоту, но мне хотелось бы, чтобы ты выехал завтра на рассвете. Я буду у городских ворот, чтобы увидеть твой отъезд. Все остальное я возлагаю на тебя.

– Сэр, – сказал Голт. – Я выеду завтра.

3

Прозвучали трубы.

Мраморные ворота королевской тюрьмы широко распахнулись, чтобы принять молодого барона на сером жеребце. Затем эти ворота толщиной в пять футов, наверху которых были установлены острия, отравленные ядом, закрылись за ним.

Голт въехал в широкий двор. За ним шли ряды бараков, в которых жили преступники. А за бараками помещались подземные камеры, пещеры, где помещались особо опасные заключенные, приговоренные к смертной казни.

Законы Сигрита были суровы, но справедливы. Как Голт узнал на себе, эти законы были более жестоки к дворянам, чем к простому люду. Ни один человек не приговаривался к смерти, если имелась хоть малейшая надежда перевоспитать его. Ни одна голова не скатилась с плеч, если это не был убийца, насильник, вор, или предатель. Ведь среди людей встречаются настоящие хищники, звери на двух ногах, и с ними Сигрит не церемонился, и не проявлял по отношению к ним никакой жалости.

Он защищал своих подданных от этих зверей с помощью тюрьмы или топора, и это не мешало ему спокойно спать. Но даже эти преступники имели право на обращение в суд. И поэтому они содержались здесь в течение времени, пока разбиралось их дело и пока топор палача не покончит с их земными заботами.

Их было больше трехсот. Немного больше трех сотен человек, которые вскоре должны были взойти на эшафот. Это не так много, учитывая большие размеры государства. Сейчас они стояли во дворе, в цепях и под тщательным надзором лучников.

Комендант тюрьмы, Линднер, Альбрехт дюк Вольфсгейм и королевский камергер, его слуга полуволк Эро въезжали во двор, и Голт присоединился к ним. Барон сидел на своем семилетнем жеребце Ужасе, который верой и правдой служил ему во многих битвах.

– Милорд, – сказал Линднер, увидев своего господина. – Эта подлая толпа ждет тебя.

– Да, – подтвердил статный красивый Альбрехт. – Подонки империи. – Его губы скривились в сардонической улыбке. – Вот твоя армия, армия проклятых.

– Благодарю, – бесстрастно произнес Голт. Он ударом шпор послал жеребца вперед и проехался вдоль рядов заключенных. Линднер и пузатый комендант сопровождали его. Действительно, подонки! Сердце Голта опустилось, когда он увидел этих заросших бородами, закованных в цепи, одетых в тюремную одежду людей. Они были бледны от долгих недель заточения под землей, тела их похудели от скудной пищи. Они были похожи на зверей, которые были ослаблены долгим пленом, но все еще опасны и полны коварства. Сотня вот таких? И это его отряд?

Но это его наказание, и ему ничего не остается, как выбрать лучшее из того, что есть.

Он остановился, еще раз обвел их взглядом и затем обратился к ним, громко и отчетливо выговаривая слова.

– Слушайте меня, приговоренные к смерти! Меня зовут Голт. Когда-то я был бароном Железных Гор, а теперь, как и вы, приговорен к смерти на эшафоте!

Шепот удивления прошелестел по рядам. Они подняли головы, проявив некоторый интерес к нему.

– Я сказал, приговорен к смерти на эшафоте! Но король своей милостью дал мне шанс спасти свою жизнь! Этот шанс я хочу дать и сотне человек из вас. Если среди вас найдется сотня человек, которые предпочтут сменить ворота ада на свободу от оков, чтобы заслужить прощение короля, восстановление всех прав, то я готов их взять с собой.

Снова шепот. Внезапно почти под носом у его жеребца чей-то голос произнес:

– Интересно, что они задумали? Ни один дворянин, а тем более король, не даст ничего такому отребью, как мы, без того, чтобы не потребовать больше, чем дал. Какую ловушку они приготовили нам?

Голт посмотрел на говорившего. Этот человек был гигантом, может даже больше, чем сам барон. Тюрьма не ослабила его могучее тело, на котором громоздились чудовищные бугры мышц, и не затуманила свирепый блеск черных глаз. Под спутанной бородой ухмылялся широкий рот. На лице уродливый сломанный нос. Щеки все были покрыты шрамами. Голт заметил, что в отличие от своих собратьев, этот тип имеет дополнительные цепи на кистях и коленях.

– Не обращайтесь внимание, барон, – быстро сказал комендант. – Его ты все равно не возьмешь. Все его жалобы отклонены судом, и он завтра на восходе будет казнен. По правде говоря, его не следовало приводить сюда. Самый опасный тип во всем этом сброде. Он очень упрям, несговорчив и все время с ним одни неприятности. Для такого один путь – на эшафот.

– Может быть. Но он задал вопрос со смыслом. – Голт поднял голову. – Здесь нет ни ловушки, ни западни. Король Сигрит посылает меня в поход для исследования Неизвестной Страны, которая лежит на северо-востоке. Эта земля, – голос был громкий и разносился по всему тюремному двору, – эта земля – дьявольское место за Болотами Кушна, и никто не знает, какие опасности, какие ужасы таятся там. Король не хочет рисковать своими солдатами, он не желает их посылать в такой опасный поход. Он решил послать отряд осужденных на смерть. И я – тоже осужденный, поведу этот отряд. Я ничего не обещаю, кроме того, что те, кто согласятся пойти со мной, выполнять мои приказания, будут раскованы, снаряжены и вооружены как солдаты, они будут сражаться и погибать. Может, мы все погибнем. Чудовища, колдуны, преступники, как говорят, населяют эту землю. Король уже посылал туда опытных солдат. Отряд не вернулся, возможно, они все погибли. Я предлагаю только это и не больше – возможность поехать со мной в поход, переносить трудности, встречать опасность лицом к лицу, может быть и умереть. Может, все мы сложим свои кости там, в Неизвестной Стране, но те из нас, кто вернется, заслужит полное прощение Сигрита и вернется свободным человеком! – Он взглянул на чернобородого громилу. – Я ответил тебе, приятель?

Человек молчал.

– Отвечай, Гомон, – рявкнул комендант. – Отвечай, когда тебя спрашивает дворянин.

Гомон ухмыльнулся, и глаза его сверкнули.

– Дворянин? Но он же сам признался, что такой же приговоренный к смерти, как и мы. И он хочет положить сотню наших жизней, чтобы спасти свою! – Он грязно выругался, а затем взорвался. – Ты думаешь, мы дураки? Идти за каким-то изнеженным дворцовым щеголем, который использует нас, чтобы спасти свою шею? Боги и дьяволы, я лучше выберу эшафот и умру чистой смертью, вместо того, чтобы снова становиться пешкой в руках труса-дворянина, который слишком слаб, чтобы сражаться самому!

Голт поджал губу.

– Скажи мне, человек, – спросил он. – Что привело тебя сюда? За что ты осужден?

Гомон неприязненно посмотрел на Голта.

– За что осужден? Это один из твоих высокорожденных друзей упек меня сюда. Но теперь ему уже не придется посылать на гибель хороших людей! – Он снова выругался. – Чтобы удовлетворить твое любопытство, я расскажу. Я был сержантом в конном пограничном отряде. Наш капитан был щеголь и трус, второй сын герцога. И он занимал высокое положение не благодаря своим заслугам, а благодаря рождению и связям при дворе. Ничего не понимая в военном деле, разодетый, как петух, и такой же глупый, он вел нас, пренебрегая советами опытных солдат, прямо в западню врагов. Из-за его глупости хорошие люди гибли, как мухи, без малейшего шанса спастись, а сам хлыщ сбежал, спасая свою шкуру, едва услышал звон мечей. Я спасся единственный из всех, пробился через ряды варваров. Я вернулся в лагерь и увидел, что он наслаждается в своей палатке среди прихлебателей. Я убил пятерых, прежде чем добрался

до него. – Гомон хищно обнажил желтые зубы. Он поднял свои скованные железом руки и медленно сжал пальцы.

– Вот этими руками я убил его, медленно. А он просил пощады. Я не пощадил его тогда, не пощадил бы и сейчас. Я сломал ему шею. Петушина смерть для петуха. Он умер, стуча ногами, как цыпленок.

Он засмеялся.

– Это значило смерть и для меня тоже, но что смерть для меня? Ведь я многие годы ходил рядом с ней. И затем я стал разбойником на дорогах. Много кошельков я взял. Толстых дворянских кошельков. И много дворян визжало, когда я щекотал их сталью, пока моя несчастливая звезда не привела меня сюда. Меня взяла полиция короля, когда я валялся пьяный. И теперь ты со своими мягкими изнеженными ручками, слабыми, в богатой одежде и со своими щедрыми посулами! Ты предлагаешь мне идти с тобой, довериться тебе, позволить тебе вести меня кончить жизнь в пасти какого-нибудь чудовища, для твоего обогащения? Да пусть с тобой идут демоны! Я лучше положу голову на эшафот, чем позволю обмануть себя снова!

Голт, глядя на этого взбешенного громилу, холодно улыбнулся.

– Значит, ты считаешь, что у меня душа цыпленка и мускулы девочки?

Глаза Гомона сверкнули:

– Я никогда не буду служить человеку, который не сможет бросить меня на землю. Я не хочу, чтобы моя сила служила человеку, слабее меня, независимо от рождения!

Улыбка Голта стала широкой.

– Так. – Он подал поводья жеребца Линднеру. – Держи. – И затем он повернулся к коменданту, – сбейте с него цепи.

– Милорд! – запротестовал главный тюремщик.

– Сбейте цепи, я сказал! – выкрикнул Голт.

Испуганный комендант поклонился.

– Хорошо, сэр!

Он выкрикнул приказ. Охранники вывели Гомона из строя, сверля глазами Голта.

– В чем дело?

– Я тебе покажу, – рявкнул Голт. – Пусть они раскуют тебя и приведут обратно. Если ты очень не ослаб, пока был в тюрьме, я покажу тебе, кто из нас цыпленок, а кто боевой петух.

Из-под бороды показалась медленная торжествующая дьявольская улыбка.

– Милорд, ты хочешь попробовать свою силу на мне?

– Если у тебя хватит мужества...

– Мужества? Ха! – крикнул Гомон. – Свинья,ними с меня эти железки.

Его увели. Голт отстегнул пояс, протянул его Линднеру. Шлем и кольчуга последовали за поясом. Затем он снял сапоги. Теперь он стоял обнаженный до пояса. На нем остались только кожаные штаны.

Мышцы его тела сверкали на солнце, как смазанные жиром.

– Милорд, – взмолился комендант. – Бороться с этим человеком, значит обречь себя на смерть. Он вовсе не ослаб в тюрьме, он отбирал пищу у других. Цепи, которые он рвал голыми руками, могли бы сдерживать льва. Не надо пробовать свои силы на этом звере...

Голт холодно смотрел на него.

– Мне в походе нужны звери, сэр комендант, и чем злее, тем лучше. Мне нужны сильные и горячие люди. Мы с ним испытаем друг друга. Если он убьет меня, то мне нечего идти в этот поход. – Он повернулся к Линднеру. – Что бы ни случилось, держи меч в ножнах.

Линднер улыбнулся. Он не раз видел своего господина в деле.

– Хорошо, милорд.

Послышалось звяканье доспехов. Вернулись охранники. Их луки были наготове. Посреди шагала Гомон, плечи расправлены, руки напряжены, на них четко выделялись громадные мускулы. В глазах горит дьявольский огонек. Губы презрительно улыбаются.

Он встал перед Голтом. Поклон его был очень низким и насмешливым.

– Добрый господин, – сказал он, – может мы начнем наш танец? – Затем он напружинил могучие руки и встал в позу.

4

Голт широко расставил ноги и пригнулся, чтобы встретить нападение. Гомон шел на него со скоростью, неожиданной для такого громадного человека. Голова его была наклонена вперед и готова была встретиться с любым препятствием, встретить любой встречный удар. Он намеревался обхватить Голта. Барон понял его тактику – Гомон хотел захватить его руки и изо всех сил нанести удар головой в подбородок. Тогда битва бы неминуемо закончилась, не успев начаться. Голт выждал подходящий момент, когда Гомон уже стал считать, что сделано дело, и, резко наклонившись, бросил свое большое сильное тело под руки Гомона, ему в ноги. Удар получился очень сильным, и Гомон упал через спину Голта. Голт подхватил его, резко поднялся и поворотом туловища швырнул бандита. Гомон полетел как камень, пущенный из пращи, и затем приземлился на голову и плечи, сильно ударившись о мраморные плиты.

Такое падение оглушило бы любого обычного человека, но когда Голт повернулся, то увидел, что Гомон легко вскочил на ноги, не хуже акробата, и снова улыбаясь смотрит на барона.

– А ты кое-что умеешь. Да и спина у тебя крепкая. Теперь я буду это знать...

Он снова пошел на Голта, быстрый и легкий, как танцор. Затем он провел какой-то прием, против которого барон не нашел защиты. Голт ощутил внезапно себя перышком. Захваченный за ногу и туловище, он легко вылетел вверх, и затем Гомон швырнул его.

Голт приземлился на мраморный пол с такой силой, что у него перехватило дыхание. Он поднял голову и увидел, что бандит летит на него, намереваясь всей тяжестью обрушиться на беспомощное тело. Но Гомон не рассчитывал, что Голт так быстро оправится от нападения и успеет откатиться в сторону. Гомон упал рядом с бароном, и только одна нога смогла задеть его. Хотя у Голта в голове все звенело от удара, он схватил ногу Гомона и резко рванул ее. Тело бандита описало дугу, перелетело через Голта и ударилось о пол. Однако во время падения Гомона, Голт успел ухватить его за бороду и сильно стукнул его головой о камень. Но Гомон уперся ногой в живот Голта и, сильно дернув головой, так что в руке барона остались лишь клочья грязных волос, перебросил его через себя. Голт покатился по полу и вскочил на ноги. Гомон тоже был готов к борьбе. Барон, опустив голову, кинулся на Гомона и сильно ударил его головой в грудь. При ударе он подумал, что от такого столкновения у него лопнет голова или сломается шея, однако Гомон не выдержал, он ахнул и упал на спину. Однако он при этом успел схватить Голта за руку, потянул его вниз и опять с помощью ноги перебросил его, сильно ударив при этом. Снова барон ракетой взвился в воздухе. На этот раз бандит не повторил своей ошибки и не бросился на упавшего противника, но пока тот поднимался на ноги, ударил его в лицо.

Из носа Голта рекой хлынула кровь. Сзади послышались крики гнева, шум, но Голт повелительным криком успокоил их, приказав сохранять тишину. Он вовремя пригнулся, и следующий удар Гомона только просвистел возле уха. Голт схватил ногу Гомона, дернул, и тот рухнул на пол. Пока он поднимался на ноги, Голт увидел своего жеребца, который рвался из рук Линднера и еще нескольких людей. Жеребец был приучен приходить на помощь хозяину, когда ему приходилось трудно. Если лошадь вырвется, то Гомон вряд ли уйдет живым от его могучих копыт и челюстей.

Это падение оглушило Гомона, а у Голта в глазах было темно после сильнейшего удара по носу. И тот и другой уже достаточно пострадали во время схватки, так что теперь они разошлись подальше и стояли, тяжело дыша. Их могучие груди вздымались и опускались, мышцы, мокрые от пота, блестели на солнце. Голт откинул светлые волосы со лба, вытер кровь тыльной стороной ладони. Теперь они кружились друг возле друга, выискивая удобный момент для нападения. И теперь барон почувствовал возбуждение, которое уничтожило боль и страх. Он любил борьбу, но редко ему встречались достойные противники, с которыми он мог бы спра-

виться один на один. И вот теперь такая встреча состоялась. И он от этого ощущал радость, подъем духа. К нему пришло второе дыхание, мускулы снова стали свежими, мозг ясный и острый, как бритва. Именно теперь пришло время проверить свои силы.

Он бросился на Гомона без всяких ухищрений, стараясь захватить его тело обеими руками. Они схватились, как два быка, обхватив друг друга руками, и острый тюремный запах ударил в ноздри барона. Каждый из этих двоих гигантов старался своими могучими руками сокрушить грудную клетку противника, сломать позвоночник, вырвать из груди воздух.

Гомон был ужасно силен. Голт чувствовал, как ребра его трещат и гнутся.

Бандит шепнул в ухо Голту:

– Ну, дворянчик, сейчас ты получишь, чего сам хочешь. Я сокрушу твои ребра, как спички.

Голт не тратил драгоценного воздуха на ответ, так как могучие руки все крепче стискивали его. И сам Голт прикладывал все свои силы, чтобы сломать кости соперника. Он дотянулся своей правой рукой до левой и раз за разом все сужал и сужал кольцо рук. Он слышал, что дыхание Гомона изменилось, но в то же время остатки воздуха покинули его легкие. Он пытался вдохнуть воздух, но внутри у него казалось, все перестало работать. Теперь уже все должно было решиться в ближайшие секунды. Ни один из них не смог бы выдержать и минуты такого напряжения. Зрение у Голта затуманилось, легкие горели, ребра трещали, но он все давил и давил. Но то же самое делал и Гомон. В глазах у Голта было темно от недостатка воздуха и от боли в груди. Через секунду, через полсекунды, его объятия ослабеют, он не сможет сдерживать мощь Гомона и...

Гомон внезапно крикнул, издал какой-то утробный звук. Его хватка начала почти незаметно ослабевать. Голт вдохнул немного воздуха в свою пострадавшую грудь и с новой силой начал сжимать Гомона.

– Боги! – Это был крик отчаяния. Затем руки Гомона разжались, упали вниз, колени подогнулись, и он чуть не увлек своим весом Голта. Преступник беспомощно распростерся на полу, голова запрокинулась. Голт с дрожащими коленями и руками стоял над ним. Он почти ослеп и оглох и знал только одно – наконец его противник повержен и лежит у его ног.

– Милорд, оставьте его для палача. – Полдюжины охранников бросились на Гомона, прижали его неподвижное тело к земле.

Тот лежал на полу, как мешок с зерном.

Голт отошел в сторону, грудь его болела, когда он вдыхал жадными глотками воздух, из носа текла кровь, кровь выступила и из царапин, оставленных ногтями Гомона на его спине. Он покачал головой, вытер пот, посмотрел на тело у своих ног. Разум уже возвращался к нему.

– Он мертв? – прохрипел Голт.

Толстый комендант опустился рядом с Гомоном на колени. Он слушал его грудь, затем поднялся на ноги и покачал головой.

– Нет. Любой человек, не выдержал бы такого, а этот громила... Но ничего, завтра топор доделает то, что не сделал ты, барон.

– Нет, нет, он мне нужен. Если... – Голт замолчал. Огромная и потная грудь Гомона начала хрипло работать, как мехи, он постепенно начал дышать. Вскоре глаза его открылись, рот был широко разинут, вгонял воздух в легкие. Медленно, с мучениями, гигант поднялся на колени, бессмысленно помотал головой.

Затем глаза его постепенно просветлели, и он взглянул на Голта, стоящего над ним.

Голт отступил назад. Он внезапно ощутил беспокойство и приготовился к новому бою.

– Хочешь еще?

Рот не слушался Гомона, и в конце концов он смог выдавить:

– Еще! Боги и дьяволы! – он сел – Но если... я мог бы тренироваться и лучше питаться... а не сидеть взаперти, как рождественский гусь... я уверен... что исход борьбы был бы другим...

Барон взял одежду, принесенную Линднером, вытер пот и кровь с лица.

– Когда мы поедем, ты будешь хорошо питаться. Тогда мы попытаемся побороться еще раз, и ты опять проиграешь... Но тогда тебе ссылаться будет не на что.

В глазах Гомона вспыхнул огонек. Он с трудом поднялся на ноги, и встал, шатаясь и потирая грудь.

– Когда поедем? Это не для таких, как я.

– Ты поедешь, если захочешь подчиняться мне. – Голт встретил его взгляд. – Или ты считаешь, что я из тех щеголей, которым ты служить не можешь? – Рот его искривился, в словах прозвучала ехидная насмешка.

– Милорд, ты боролся хорошо, – поспешно вступил в разговор управляющий. – Но я опять хочу сказать, что ты не должен брать этого человека. Нет пределов его вероломству и коварству. Он принесет экспедиции гораздо больше вреда, чем пользы!

– Об этом должен беспокоиться я, а не ты, – сказал Голт. – Ну, парень? Завтра эшафот, или хорошая лошадь, добрый меч и шанс на свободу, если ты поедешь со мной и будешь выполнять мои приказы.

В глазах Гомона не было ни особой почтительности, ни чувства поражения. Силы возвращались к нему, а с ними гордость, презрение, чувство собственного достоинства. Он долго молчал, глядя на Голта.

Затем он еле заметно улыбнулся, и это вовсе не была приятная улыбка.

– Хорошо, милорд, – сказал он. – Я поеду с тобой и буду выполнять все твои приказы – но до тех пор, пока буду видеть, что ты лучше меня.

– Отлично. – Голт улыбнулся, преодолевая боль в лице. – Теперь мы с тобой связаны этим условием. Я должен доказывать свое превосходство над тобой, и пока я это смогу, твой меч, – мой. – Он повернулся и пошел, слегка прихрамывая.

– Смотри за ним, Линднер. Теперь из этих подонков мне нужно набрать еще девяносто девять.

Действительно подонки – убийцы, разбойники с большой дороги, воры, сутенеры, насильники... Из двух сотен человек, которые изъявили желание поехать с ними, вместо того, чтобы кончить жизнь под топором палача, Голт выбирал очень тщательно, принимая во внимание силу, возраст, ум, отдавая предпочтение тем, кто хорошо владел оружием. Тем не менее выбор был не так широк, и отобранная сотня привела бы в отчаяние человека, привыкшего командовать опытными, преданными, дисциплинированными солдатами. Даже мужество Линднера поколебалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.